

ПРАЗДНИК В «КОМИШЕ ОПЕР»

«Нельзя ли познакомиться с новым либретто «Кармен»? — такова была первая просьба, с которой я обратился к администрации «Комише опер» по приезде в Берлин.

Либретто в театре не оказалось. Я получил «всего лишь» клавир. Изданный в Лейпциге в 1964 году, он содержал в себе обе версии оперы: и ту, что считалась едва ли не канонической (и уж во всяком случае единственно приемлемой для постановки), и ту, что была создана Бизе и его либреттистами и воссоздана Вальтером Фельзенштейном. Естественно, я от души благодарил заведующего литературной частью театра, или, как здесь говорят, главного драматурга Штефана Штомпора за эту любезность.

МОЖНО ли сравнить оперу Бизе с новеллой Мериме?

...Еще со времен знаменитой постановки 1949 года все в той же «Комише опер» в критике высказывалось мнение, что В. Фельзенштейн якобы ставит не оперу Бизе, а новеллу Мериме. Я далек от столь сомнительного для оперного режиссера комплимента. Нет, Фельзенштейн ставит именно оперу Бизе.

Дело тут не в том, что благодаря прозаическим диалогам, восстановленным Фельзенштейном, в оперу возвращаются многие важные сюжетные детали новеллы. Дело в идейном содержании, идейной направленности оперы.

Протест против обывательской морали, порыв к свободе — вот смысл «анекдота», поведанного Мериме. В этом же и пафос оперы Бизе. Я бы сказал даже, что опера с ее буйством страстей, с эмоциональным накалом ее музыкального языка еще больше усиливает антибуржуазное звучание истории дерзкой и своевольной цыганки Кармен.

Нет, не привычка к традициям, не нарушение правил хорошего тона привели к провалу первой парижской постановки оперы в 1875 году. Беспощадная правда жизни, отмеченная ненароком одним из ее первых рецензентов, — вот истинная тому причина.

НОВЫЙ спектакль Фельзенштейна отмечен стремлением не навязчиво, но предельно четко выявить именно этот социально-критический аспект в произведении Бизе. Кирпичная стена табачной фабрики, решетка, за которой появляются девушки-работницы, и караул у входа. Тюрьма и тюремщики — вот заставка, определяющая звучание спектакля. Его герои (и декорации художника Вильфрида Верца выразительно подчеркивают это) постоянно оказываются в некоем замкнутом пространстве, будь то патио в кабаке Лилас Пастья, долина в горах, где находят убежище контрабандисты, и даже галерея у арены для боя быков в Севилье. Они все находятся как бы в заточении. И контрабандисты, друзья Кармен, и ее подружки-табачницы, и стерегущие их солдаты. Кармен — воплощение непримиримого протеста против этого заточения.

Как выдающееся художественное событие отметили премьеру «Кармен» в «Комише опер» вчерашние берлинские газеты. Все сообщения заканчиваются словами, свидетельствующими о выдающемся успехе спектакля. Но, думается, не найдется достаточно слов, чтобы описать ту атмосферу триумфа, которая царила в зале. Исполнители главных ролей: Э. Саркисян — Кармен, В. Осипов — Хозе, Г. Писаренко — Микаэла, З. Фогель — Эскамильо, дирижер спектакля Д. Китаенко, наконец, сам профессор В. Фельзенштейн долгое время не могли покинуть сцену. Спектакль выдвинулся в триумф всего ансамбля театра «Комише опер», стал выдающимся свидетельством плодотворного сотрудничества артистов Советского Союза и Германской Демократической Республики. Следует отметить также, что наши певцы исполняли свои партии на немецком языке и великолепно справились со своей нелегкой задачей.

Д. АЛЕКСАНДРОВ,
спец. корр.

«Советской культуры».

БЕРЛИН. (По телефону).

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. МОСКВА

x4 MAR 1972